

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ДЕТСТВА

УДК 94(470.56):394-053.2/.5

ГРНТИ 03.21.31: История России Нового времени

DOI 10.35231/25422375_2022_2_21

Е.В. Бурлуцкая

«По предметам и картинкам...» Учебник А.И. Тарнавского как источник по истории детской домашней повседневности в Оренбурге пореформенной эпохи*

В данной статье в рамках исследования детской провинциальной повседневности пореформенного периода анализируется содержание учебника для младших школьников А.И. Тарнавского, созданного в Оренбурге на рубеже XIX–XX вв. Учебник в данном случае выступает в качестве письменного источника, текстовое содержание которого отражает представления автора о детях, его видение типичного или рекомендуемого детства в провинциальном городе. Анализу подвергаются разделы, посвященные домашней составляющей повседневной жизни ребенка: его отношениям с родителями, домашней обстановке, играм. В учебнике были представлены стандартные для того времени модели поведения детей, взаимодействия их и взрослых. Одновременно книга Тарнавского служила пособием, позволяющим сформировать в детях необходимые базовые представления о «можном» и должном, дать образцы «нормального» и «типичного» поведения, объяснить наиболее существенные для социальной практики понятия.

Ключевые слова: дети, детство, повседневность, тексты для детей, учебная литература, источник.

Elena V. Burlutskaya

«By objects and pictures...» Tutorial by A.I. Tarnavsky as a source on the history of children's daily life in Orenburg of the post-reform era

This article continues publications about the history of children's provincial daily life of the post-reform period and analyzes the content of a tutorial for younger schoolchildren. The author of this textbook was A.I. Tarnavsky. The text of the tutorial was created in Orenburg at the turn of the 19th – 20th centuries. The tutorial is investigated as a written source. Its content reflects the author's ideas about children, his vision of a typical or recommended childhood in a provincial town. We studied the separate sections of this manual. These are chapters that were devoted to the domestic sphere of the child's daily

---

© Бурлуцкая Е.В., 2022

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00763 «Дети и детство. Повседневная жизнь ребенка в условиях провинциального городского социума (на материалах Оренбурга пореформенной эпохи)».

life – his relationship with his parents, home environment, games. The tutorial describes the standard models of children's behavior for that time, the interaction of children and adults. At the same time, Tarnavsky's book was a manual that helped to form in children the necessary basic ideas about the norms of life, to give samples of "normal" and "typical" behavior, to explain concepts which were the most essential for social practice.

Key words: children, childhood, daily life, texts for children, educational literature, source.

Предлагаемая вниманию читателей статья посвящается моему коллеге, известному исследователю проблем истории повседневности, талантливому ученому и удивительному человеку – Александру Ивановичу Репинецкому, который отмечает в этом году свой 70-летний юбилей. Александра Ивановича я с уверенностью могу назвать своим «учителем» и «научным родителем». Почти четверть века назад он выступил официальным оппонентом на защите моей кандидатской диссертации, посвященной оренбургскому купечеству. Одна из глав диссертационного исследования была посвящена особенностям социальной психологии, культуры и быта купечества Южного Урала, т. е. всему тому, что сегодня как раз и подразумевается под повседневностью. С тех пор сфера моих научных интересов была определена безоговорочно и бесповоротно.

В своей научной биографии мне приходилось обращаться к различным сторонам повседневности, субъектами которой становились представители разных сословий, профессий, гендерных сообществ. В настоящий момент предметом моих научных интересов стала повседневность детей Оренбурга второй половины XIX – начала XX в.

История детства, генерируемая в России как специфическая область исследований примерно с начала XX в., традиционно ставит своих последователей перед проблемой выбора источниковой базы. Чем дальше уходит ученый вглубь веков, тем сложнее для него этот выбор. Скудость прежде всего письменных текстов, непосредственно связанных с детством, обусловила преимущественное обращение авторов к детству советскому. Как отмечала в своей статье Г. Зеленина, «в изучении детства в отечественной науке лидируют советологи: советское и постсоветское детство лучше всего описано и осмыслено – в категориях исторических, антропологических, социологических и фольклористических» [1].

Недостаточность детских эго-документов как ключевых источников по истории повседневности вынуждает исследователей детства прибегать к анализу других текстов, разнообразных по форме и содержанию. Однако, как отмечал в одной из своих работ Александр Иванович, «исторические факты, почерпнутые из документов, ...представляют собой только сырой, подготовительный материал для исследователя, а от-

нюдь не саму историю. Исторические факты, зафиксированные в документах, должны быть подвергнуты тщательному критическому анализу и оценке, а затем пропущены через сознание историка, который должен понять характер исторических событий, раскрыть цели, интересы и мотивы участников событий» [2, с. 7].

Таким образом, научную задачу, решаемую в рамках данной статьи, можно сформулировать как попытку проникнуть в мир провинциальной пореформенной детской повседневности через анализ оригинального письменного источника – книги А.И. Тарнавского «По предметам и картинкам. Первые уроки наглядного обучения инородцев русскому языку» (1902) [3], содержание которой будет сопоставляться с другими источниками, имеющимися в нашем распоряжении. Результатом проведенной работы должен стать обзор типичной домашней детской повседневности, характерной для провинциального Оренбурга рубежа XIX–XX вв.

Обращение к истории детства в России стало возможным относительно недавно. Эта сфера исследований стала научным направлением, хотя бы отчасти признаваемым в научном сообществе, лишь с начала 2000-х гг., но до настоящего времени классификатор УДК не выделяет «историю детства» в качестве самостоятельной отрасли знаний. Как и десять лет назад «книги по истории детства окажутся в рубрике “история семьи”, а она – в разделе – “этнография”» [4, с. 9]. Основной причиной медленной эволюции этой области исторической науки представляется существенная ограниченность источниковой базы. В ситуации недостаточности традиционных письменных источников, доступных для исследователей, занимающихся изучением повседневности детей, историки детства начали поиск других возможных источников необходимой информации.

В 2010 г. в Казанском (Приволжском) федеральном университете был организован международный круглый стол «Детство в научных, образовательных и художественных текстах: опыт прочтения и интерпретации» [5]. В рамках этого круглого стола были выделены такие группы письменных источников по истории детства, как детские тексты, тексты о детях и тексты для детей. Значительная часть докладов была посвящена отражению детства в учебных, научных и дидактических текстах.

Американский исследователь истории русской школы Б. Эклоф в своей статье «School Texts: A Window into the History of Childhood in Russia» («Школьные тексты: окно в историю детства в России») [6] отметил, что педагогика и школьное обучение на русском языке породили множество источников, почти полностью неиспользованных, которые, однако, дают богатую информацию об истории детства и юности в целом. Данные тексты, по мнению автора, скорее могут быть использованы как средство понимания «жизненного опыта» детей, а также представлений взрослых о детстве. В предлагаемый Эклофом перечень источников,

связанных с российской дореволюционной школой, вошли настольные книги для учителей, материалы учительских съездов, учительские мемуары, педагогические журналы и пр.

Этот перечень может быть расширен за счет других текстов, так или иначе связанных со школой. Например, А.Б. Лярский в своих работах сосредоточил внимание на календарях, издававшихся для школьников на рубеже XIX–XX вв. [7] и школьных рукописных журналах и газетах [8]. В данный список возможно включить и школьные учебники. Так, например, в статье Д.М. Галиуллиной «Татарский национальный букварь конца XIX – начала XX в. как особый вид нарратива» [9] речь шла о том, как детская повседневность была представлена в татарской азбуке «Әлифба». Н.Г. Пфаненштиль (Федорова) рассуждала о возможностях учебников истории XIX в. в деле формирования нравственных ценностей и исторического сознания детей [10].

В 2013 г. в рамках семинара «Культура детства: нормы, ценности, практики» был издан сборник статей «Учебники детства. Из истории школьной книги VII–XXI вв.» [11]. В этом труде авторы, рассуждая о книгах, по которым учили маленьких детей, констатировали: «В этих книгах их составители отражали и выражали свое понимание детства, возможностей, потребностей ребенка... Они рисовали идеал рекомендуемого детства, обходили или порицали те стороны современного им детства, от которых желали избавиться. [...] В учебнике отражается множество распространенных стереотипных представлений о ребенке, человеке вообще, абсолютных и относительных ценностях». «Учебник – там и тогда, где и когда он существовал, – во многом определял границы детства, представлял детям и взрослым “картинки рекомендованной детскости”...» [11, с. 8].

В 2016 г., в продолжение обсуждения 2013 г., был опубликован сборник статей, посвященный теме отражения моделей и норм социального поведения, формирования социального интеллекта через учебную литературу [12]. Как отмечали его авторы, основное внимание в книге было «уделено учебникам первых трех-четырех лет обучения, начальному школьному образованию, поскольку оно в большей степени зависело от общекультурной ситуации, связанной с утверждаемыми в социуме нормами общежития и моделями поведения, а не от логики той или иной науки, воплощаемой в школьном предмете» [12, с. 6].

Опираясь на примеры анализа учебных текстов, содержащихся в перечисленных работах, попробуем изучить заявленный в заглавии труд, используя его как своеобразный источник по истории детской провинциальной домашней повседневности пореформенной эпохи.

В Оренбургской губернии на рубеже XIX–XX вв. появилось несколько изданий, которые могут быть использованы для анализа детской повседневности того периода. Директор народных училищ

Оренбургской губернии Александр Иванович Тарнавский в 1902 г. выпустил в свет чрезвычайно любопытную книгу, которая называлась «По предметам и картинкам. Первые уроки наглядного обучения инородцев русскому языку» [3]. В предисловии к ней Тарнавский объяснял свой авторский замысел. По его словам, в ходе многолетней педагогической работы среди «инородческого населения» он столкнулся с серьезной проблемой: многие учителя в инородческих школах предпочитали вести занятия на родных детям языках, что в итоге значительно затрудняло усвоение языка русского. Полагая, что «во всех учебных заведениях России преподавательским языком должен быть русский» [3, предисл.], Тарнавский поставил перед собой задачу максимально быстрого обучения детей-инородцев государственному языку.

Дабы ускорить процесс овладения нерусскими детьми русским языком, Тарнавским было создано специальное пособие, которое включало в себя «ряд систематически подобранных картин, посредством которых можно было сообщить ученикам-инородцам запас слов и выражений, способствующих усвоению русской разговорной и письменной речи» [3, предисл.].

Полагая, что в основу пособия автором были положены представления обывателей о привычном и повседневном бытии, любопытно будет посмотреть, как Тарнавский видел мир детей, определить представления взрослых о том, как этот мир должен выглядеть.

В разделе «Дитя» автор перечисляет части тела ребенка, а затем переходит к его одежде. «У дитяти на туловище рубашка», «У дитяти на голове чепчик», «Дитя ползет» [3, с. 3] – вот, собственно, и все, что автор считает существенным в жизни маленького ребенка.

Далее, в разделе «Мальчик», также отмечается одежда: «На туловище мальчика надета рубашка. На ноги мальчика надеты штаны. Ноги мальчика обуты в сапоги. Рубашка мальчика подпоясана поясом». Однако далее описывается поза ребенка: «Мальчик раздвинул свои руки. Он сжал пальцы своих рук в кулаки. [...] Мальчик прыгает» [3, с. 4]. Девочка же из соответствующего раздела одета в рубашку и юбку. «Ноги девочки обуты в башмаки. Рубашка девочки белая ... Юбка девочки темная ... Башмаки девочки черные ... Рубашка девочки из полотна... Юбка девочки из ситца ... Башмаки девочки из кожи ...» [3, с. 5]. Таким образом, в отношении девочки важным оказывается не только сам костюм, но также его цвет и материал. Кроме того, описываемая Тарнавским поза мальчика (расставленные руки, сжатые кулаки) демонстрирует тот факт, что мальчики с самых юных лет своими движениями и жестами демонстрировали большую активность и даже агрессивность, которая воспринималась как норма.

Вырастая, мальчик и девочка превращались в мужчину и женщину. Мужчину отличали усы и борода. На его голове красовалась шапка, он был одет в просторные рубашку и штаны темного цвета, подпоясан,

ноги были обуты в сапоги [3, с. 7]. Женщина покрывала голову платком, который закрывал всю заднюю часть ее головы. Платок завязывался под подбородком узлом, концы платка закрывали шею и опускались до самой груди. Автор отмечал, что платок белый и что вообще платки бывают ситцевые, «бумажные» и шерстяные. Женщина была одета в рубашку, платье и фартук. «Фартуком женщина вытирает глаза. Она плачет. [...] Женщина горюет. [...] Женщина печальна» [3, с. 8].

И вновь женская одежда отличалась от мужской обозначенным цветом и материалом. А женское поведение было связано преимущественно с гореванием. Действительно, женская доля, даже во вполне состоятельных и привилегированных семьях, часто была весьма печальна. Браки, заключенные не по любви, смерть детей и т. д. – все это вполне объясняло картину плачущей женщины. Хотя дальше автор уточнял: «Дети плачут. Мальчики, девочки плачут. Мужчины, женщины плачут. Как малые, так и большие плачут» [3, с. 8]. То есть в принципе свободное выражение печали и горя, по мнению автора, было вполне приемлемым поведением для всех.

Значительное место отводилось Тарнавским отображению мира ребенка и его семьи. Семейные отношения объяснялись автором на примере союза, состоявшего из родителей и четырех детей: двух сыновей и двух дочерей. То есть типичной семьей была семья многодетная. К отцу обращались «папа», «папенька», «тятя», «батюшка», к матери – «мама», «маменька», «матушка» [3, с. 13].

Раздел «Мать и дитя» сопровождался довольно пространном текстом. «В комнате, возле печки, на скамье, у люльки сидит мать. Она держит руку на краю люльки. Дитя лежит в люльке. Мать качает свое дитя. Это дитя грудное. Оно в пеленках. Обвязано свивальником» [3, с. 14]. Расположенная там же иллюстрация красноречиво изображала туго спеленутого младенца. Раздел «Мать и сын» повествовал: «Мать сидит на табуретке. Одну свою ногу мать поставила на подставку. У матери на коленях сидит ребенок – сын. В своих руках мать держит ручки сына. Мать забавляет своего сына. Сын смеется. Мать хлопает ручкой своего сына о его другую ручку, ладонь об ладонь» [3, с. 15]. По-видимому, автор имел в виду распространенную и сейчас игру в «ладушки» («Ладушки, ладушки, // Где были? – У бабушки...»). Эта потешка (или пестушка) – короткое стихотворное произведение, сопровождаемое движениями, предназначалась для развлечения ребенка. Потешки всегда сопровождалась «экспрессивно-эмоциональными словами, рефренами, звукоподражаниями», которые способствовали быстрому и легкому усвоению ребенком словарного запаса, веселили его [13, с. 108, 109–110].

Жилище в книге было обозначено «домом», представлявшим собой деревянное или каменное городское одно-, двух- или трехэтажное жилище, «избой» из бревен и «хатой» [3, с. 23–24]. В жилище обязательно

была кирпичная или каменная печь, в которой пекли ржаной или пшеничный хлеб, готовили еду (суп, щи, борщ, кашу, жареное мясо, жаркое, котлеты) и на которой грелись и спали [3, с. 25]. Как отмечала в своей статье В.А. Вереме́нко, печь, приспособленная «для приготовления „простых“ блюд, таких, например, как „черный хлеб, квас, пироги (далеко не всех сортов), лепешки, щи, различные похлебки”, ... мало подходила для кулинарных изысков: „настоящего бульона”, жаркого, кондитерских изделий и т. д.» [14, с. 181]. Поэтому можно утверждать, что сам Тарнавский явно был далек от традиционных способов приготовления кушаний в печи, ведь приготовить таким образом жареное мясо или котлеты практически невозможно. Печь предполагала прежде всего томление и варение продуктов. Как писала С. Бородина, в то время, «когда основным способом приготовления пищи была русская печь, ее конструктивные параметры и эксплуатационные свойства определяли безраздельное господство таких кулинарных технологий, как томление, запекание, тушение, припускание и т. п. На плите нельзя томить и запекать, зато можно варить и жарить...» [15, с. 83].

В городских домах устраивались «комнатные печи», маленькие и округлые [3, с. 26]. Узкая, длинная низкая печь называлась «плитой». Она делалась из кирпича, снаружи обкладывалась «изразцами или кафлями, муравлёными кирпичными плитками белого цвета». Сверху на нее водружалась большая чугунная плита с круглыми отверстиями [3, с. 27]. По словам В.А. Вереме́нко, «если в 1870-е гг. авторам кулинарных книг еще приходилось убеждать „старозаветных помещиц” в преимуществах плиты, приводя всевозможные доводы от очевидной экономичности до возможности одновременно „готовить что угодно и когда угодно”, ... то к началу XX в. выгоды плиты были уже признаны повсеместно» [14, с. 182–183].

Как это ни странно, но в учебнике Тарнавского ни слова не было сказано про бани. Вероятно, это было связано с оренбургской спецификой данной сферы повседневности. Бани в частных домах горожан находились под запретом в силу недостатка воды и боязни распространения пожаров. В казенные же (торговые) бани детей старались не водить из-за ужасных санитарно-гигиенических условий этих объектов [16]. Скорее всего, детей купали редко, исключительно дома, в тазу или лохани.

Единственный предмет, упоминаемый Тарнавским, который был так или иначе связан с вопросами гигиены – это рукомойник [3, с. 58]. Они были двух видов – металлические и глиняные. Металлические, состоящие из чаши и «подъемного гвоздя», крепились к стене над подставкой с тазом, в который стекала грязная вода. Иногда в тазу делали отверстие, через которое вода выливалась в ведро. Глиняный рукомойник, «похожий на низкий кувшин, с двумя ручками и одним, либо двумя носиками», вешали на веревке над лоханью.

Обстановка избы описывалась следующим образом. В красном углу висели иконы и теплилась лампадка. Под иконой стоял стол, покрытый скатертью, вокруг которого были расставлены табуретки и скамейки. Под иконой на почетном месте обычно сидел старший мужчина, дедушка [3, с. 28]. Таким образом, традиционная семья по-прежнему была многопоколенной, включающей дедушек и бабушек.

Интерьер городских квартир включал в себя стулья (в том числе плетеные), рабочие столы с ящиками, диваны, кресла, комоды с медными ручками, шкафы, письменные столы со «шкафиками», «конторки», этажерки, зеркала, кровати [3, с. 29–33]. Примерно такой перечень предметов мебели содержался обычно в объявлениях, размещаемых в оренбургских газетах рубежа XIX–XX вв. [17, с. 23]. На кровать стелили «постель», которая включала в себя перину (или тюфяк, или «матрац»), простынь, перьевую или пуховую подушку с наволочкой и одеяло. Перину набивали гусиным пером и пухом, тюфяк и матрац – шерстью или мочалом [3, с. 39]. Одеяла, кстати, использовали без принятых сегодня пододеяльников.

Для совсем маленьких детей предназначалась люлька [3, с. 34]. Она представляла собой деревянную раму, к которой снизу был прикреплен холщовый мешок. Тканевое дно, во-первых, было мягче деревянного, а, во-вторых, такая конструкция была гигиеничнее, поскольку при необходимости дно можно было сменить на новое. Эта конструкция прикреплялась веревками к жерди под потолком. Веревки вокруг закрывались занавеской. Именно такая люлька хранится в фондах Оренбургского губернаторского историко-краеведческого музея. Люльку покачивали, успокаивая ребенка.

Освещался дом с помощью свечей (стеариновых, сальных или восковых) и керосиновых ламп [3, с. 69–70]. Керосиновые лампы были относительно новым предметом домашнего обихода. В Оренбурге таковые появились в середине 1860-х гг. благодаря братьям Зальцфиш. Они завезли в город этот товар, убеждая покупателей в том, что лампы эти «разных форм, очень красивые, при употреблении не требуют никакой чистки, кроме обтирания пыли, зажигание и гашение их очень просто, свет от них так бел и блестящ, что самая малая заменит пять, а поболее размером ответит за десять свечей стеариновых» [18, с. 270]. Из технических новинок в книге была представлена швейная машинка [3, с. 72], ручная или ножная. Реклама этого изобретения, преимущественно компании «Зингер», на рубеже XIX–XX вв. стала активно появляться на страницах центральных и региональных газет и журналов.

О домашней обстановке рассказывали предметы домашнего обихода. Первым шел медный самовар [3, с. 51–52]. В книге объяснялось, как им нужно пользоваться, чтобы приготовить кипяток. Кипяток был нужен для заваривания чая. Объем информации, который так или иначе

был связан с этим напитком, может служить доказательством повсеместного его распространения и огромной популярности. Речь шла о чае [3, с. 52], чайнике [3, с. 52–53], чайнице (емкости для сухого чая) [3, с. 53], чайной паре [3, с. 54], молочнике [3, с. 55], сахаре [3, с. 54]. Как известно, еще маркиз А. де Кюстин, описывающий свое путешествие по России в 1839 г., оказавшись в одной из деревень неподалеку от Петербурга, замечал: «На столе горит медью самовар и чайник. Чай, как всегда, отличный и умело приготовленный. Этот изысканный напиток, сервируемый в чуланах (я говорю “в чуланах”, подбирая приличные выражения), напоминает мне шоколад у испанцев» [19, с. 198].

Далее разговор шел о домашней утвари. Детям объяснялась разница между бочкой, ведром, кадкой и ушатом [3, с. 55–58]. В перечень необходимых в доме вещей вошли ковш, кувшин, горшок, ухват, чугунок, помело (палка с мочалом на конце для подметания углей и золы возле печки), кастрюля, сковорода, терка, ступка, утюг (который грели на горячих углях), валёк и скалка (предметы, заменяющие современные гладильные аппараты), сундук, чемодан, коробка, корзина, веник, метла («веник, но с палкой»), щетка [3, с. 57–65]. Основной набор посуды состоял из глиняной чашки или миски с ручками и крышкой, тарелки, ложки, ножа и вилки, солонки, бутылки, «пробочника» (штопора), графина (для воды), кружки, рюмки [3 с. 65–68]. Поскольку в перечне упоминалась вилка, речь шла все-таки о столовых приборах в доме зажиточного горожанина.

Вторая «тетрадь» книги была посвящена основным видам хозяйственной деятельности и другим занятиям, в том числе играм. В качестве предметов для игр были названы мячик [3, с. 88], юла [3, с. 89], «волчок, кукла, барабанщик, мельница, зайчик» [3, с. 90], а в качестве игр указывались «игра в бабки» [3, с. 89], игра «в лошадки» и «в жмурки» [3, с. 90], шашки [3, с. 91]. С мячиком можно было так играть: бросать его, ловить или «бить мячиком друг друга» [3, с. 88]. В книге «Игры народов СССР» было представлено около 80 различных вариантов игр с мячом, существующих в различных регионах страны [20, с. 466–489].

Юла была домашней игрушкой – ее пускали по полу в комнате. Юла и волчок представляли собой разные игрушки: юлу следовало раскручивать с помощью движущегося вверх-вниз стержня, а волчок был деревянным шаром с хвостиком, который раскручивался руками. Набор игрушек был не слишком большим. Все же для большинства детей, даже в городе, они были предметами труднодоступными.

Игра в бабки предполагала действия со специально обработанными подкопытными костями коров, свиней или овец. Их дочиста вываривали в горячей воде, самую большую и тяжелую кость дополнительно наливали свинцом, превращая в «битку». Каждый игрок должен был выставить в очерченный на земле кон определенное количество бабок. Затем участники по очереди старались выбить из кона биткой как можно

больше бабок, которые и становились добычей удачливого игрока [20, с. 458].

«Лошадка» на рисунке в учебнике изображалась следующим образом: она прикреплялась к четырехколесной платформе, которую можно было катать за веревочку. Можно сказать, что это был прообраз современных «машинок».

Учитывая то обстоятельство, что учебник Тарнавского главной своей целью имел ознакомление детей «инородцев» с основами русской речи на примере наиболее стандартных, типичных речевых оборотов, отражающих повседневность, вероятно, не следовало ожидать от автора слишком глубокого погружения в мир детства. Тем не менее, даже на основе довольно поверхностного изложения основ жизни в провинциальном российском городе, можно увидеть основополагающие принципы организации там жизни ребенка. Это ориентация подрастающего поколения на традиционные модели социального поведения, четкое разделение гендерных ролей, определение некоего обязательного набора домашних предметов, обеспечивающих приемлемое качество жизни, почти абсолютное невнимание к вопросам детской гигиены.

Список литературы

1. Зеленина Г. От скудости эмоций к скудости источников: полувековой путь детских исследований // Теория моды: одежда, тело, культура. – 2008. – № 8. – С. 19–36 [Электронный ресурс]. – URL: <https://polit.ru/article/2008/10/03/zelenina/>
2. Ипполитов Г.М., Полтораки С.Н., Репинецкий А.И. Исторический факт и историческое событие: аналитическое «путешествие» в лабиринте мнений, оценок, суждений (статья первая) // Клио. – 2013. – № 11 (83). – С. 3–14.
3. Тарнавский А.И. По предметам и по картинкам: первые уроки наглядного обучения инородцев русскому языку: с 343 рисунками / сост. Александр Тарнавский, директор народных училищ Оренбургской губ. – СПб.: П.В. Луковников, 1902. – 120 с.
4. Кошелева О.Е. Вместо предисловия. История детства. Филипп Арьес и Россия // Малолетние подданные большой империи. Филипп Арьес и история детства в России (XVIII – начало XX века). Труды семинара «Культура детства: нормы, ценности, практики». Вып. 11. – М.: РГГУ, 2012. – С. 9–16.
5. Детство в научных, образовательных и художественных текстах: опыт прочтения и интерпретации, сборник научных статей и сообщений / сост. и отв. ред. А.А. Сальникова. – Казань: Изд-во Казанского (Приволжского) федерального университета, 2011. – 144 с.
6. Eklof B. School Texts: A Window into the History of Childhood in Russia // Детство в научных, образовательных и художественных текстах: опыт прочтения и интерпретации, сборник научных статей и сообщений / сост. и отв. ред. А.А. Сальникова. – Казань: издательство Казанского (Приволжского) федерального университета, 2011. – С. 22–26. (англ.)
7. Лярский А.Б. Календарь и гимназист: представления взрослых о повседневности детей (Россия кон. XIX – нач. XX вв.) // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). – 2007. – № 1. – С. 79–86.
8. Лярский А.Б. Школьные рукописные журналы и газеты конца XIX – начала XX века как фактор социализации // Вестник Пермского университета. История. – 2013. – № 2 (22). – С. 117–125.

9. Галиуллина Д.М. Татарский национальный букварь конца XIX – начала XX вв. как особый вид нарратива // Научный Татарстан. Гуманитарные науки. – 2012. – № 1. – С. 15–24.

10. Пфаненштиль (Федорова) Н.Г. «Личная история» в российских учебниках по истории первой половины XIX века: время «Кайдановых, Смарагдовых, Устряловых...» // Ученые записки Казанского филиала «Российского государственного университета правосудия». – 2019. – Т. 15. – С. 305–315.

11. Учебники детства. Из истории школьной книги VII–XXI веков // Труды семинара «Культура детства: нормы, ценности, практики». Вып. 13. – М.: РГГУ, 2013. – 407 с.

12. Дорогой друг. Социальные модели и нормы в учебной литературе 1900–2000 годов (историко-педагогическое исследование) // Труды семинара «Культура детства: нормы, ценности, практики». Вып. 18. – М.: Памятники исторической мысли, 2016. – 568 с.

13. Шангина И.И. Русские дети и их игры. – СПб.: Искусство, 2000. – 296 с.

14. Верременко В.А. «Кухонная модернизация» и дворянская семья в России второй половины XIX – начала XX века // Государство, капитализм и общество в России второй половины IX – начала XX вв.: Материалы Всерос. (с международным участием) научного семинара (г. Череповец, 19–21 октября 2017 г.): сборник научных работ / отв. ред. А.Н. Егоров, А.Е. Новиков, О.Ю. Солодянкина. – Череповец: Череповец. гос. ун-т, 2017. – С. 180–185.

15. Бородина С. О прихотях и вкусах: история гастрономической культуры русской усадьбы // Мир искусств: Вестник Международного института антиквариата. – 2015. – № 2 (10). – С. 80–92.

16. Бурлуцкая (Банникова) Е.В. Бани как компонент городской повседневности Оренбурга XIX века [Электронный ресурс] // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. – 2020. – № 4 (36). – С. 232–246. – URL: http://vestospu.ru/archive/2020/articles/13_36_2020.pdf.

17. Бурлуцкая (Банникова) Е.В. Приватное пространство горожанки Оренбургской губернии в пореформенную эпоху // Манускрипт. – 2019. – № 11. – С. 17–25.

18. Столпянский П.Н. Город Оренбург: Материалы к истории и топографии города. – Оренбург: Изд-во Оренбургской губернской типографии, 1908. – 372 с.

19. Кюстин А. Николаевская Россия / пер. с фр. – М.: Политиздат, 1990. – 352 с.

20. Игры народов СССР. Сборник материалов, составленный В.Н. Всеволодским-Генгросс, В.С. Ковалевой и Е.И. Степановой. – М.-Л.: Academia, 1933. – 564 с.

References

1. Zelenina G. *Ot skudosti emocij k skudosti istochnikov: poluvekovej put' detskih issledovanij* [From the scarcity of emotions to the scarcity of sources: a half-century path of children's research] // *Teoriya mody: odezhda, telo, kul'tura* [Fashion theory: clothing, body, culture]. – 2008. – № 8. – P. 19–36. (In Russ.).

2. Ippolitov G.M., Poltorak S.N., Repineckij A.I. *Istoricheskij fakt i istoricheskoe sobytie: analiticheskoe «puteshestvie» v labirinte mnenij, ocenok, suzhdenij (stat'ya pervaya)* [Historical fact and historical event: analytical «journey» in the labyrinth of opinions, assessments, judgments (article one)] // *Klio* [Clio]. – 2013. – № 11 (83). – P. 3–14. (In Russ.).

3. Tarnavskij A.I. *Po predmetam i po kartinkam: pervye uroki naglyadnogo obucheniya inorodcev russkomu yazyku* [By subjects and by pictures: the first lessons of visual teaching of foreigners to the Russian language]. – Saint Petersburg: tip. P.V. Lukovnikova, 1902. – 120 p. (In Russ.).

4. Kosheleva O.E. *Vmesto predisloviya. Istoriya detstva. Filipp Ar'es i Rossiya* [Instead of a preface. The history of childhood. Philippe Aries and Russia] // *Maloletnie poddannye bol'shoj imperii. Filipp Ar'es i istoriya detstva v Rossii (XVIII – nachalo XX veka)* [Minor subjects of a large empire. Philip Aries and the history of childhood in Russia (XVIII – early XX century)]. *Trudy seminarov «Kul'tura detstva: normy, cennosti, praktiki»*, vypusk 11. – Moscow: RGGU, 2012. – P. 9–16. (In Russ.).

5. *Detstvo v nauchnyh, obrazovatel'nyh i hudozhestvennyh tekstah: opyt prochteniya i interpretacii, sbornik nauchnyh statej i soobshchenij* [Childhood in scientific, educational and artistic texts: experience of reading and interpretation, collection of scientific articles and messages] / Sost. I otv.red. A. A. Sal'nikova. – Kazan: Publishing House of Kazan (Volga Region) Federal University 2011. – 144 p. (In Russ.).

6. Ben Eklof. *School Texts: A Window into the History of Childhood in Russia // Detstvo v nauchnyh, obrazovatel'nyh i hudozhestvennyh tekstah: opyt prochteniya i interpretacii, sbornik nauchnyh statej i soobshchenij* [Childhood in scientific, educational and artistic texts: experience of reading and interpretation, collection of scientific articles and messages] / Sost. I otv.red. A. A. Sal'nikova. – Kazan: Publishing House of Kazan (Volga Region) Federal University, 2011. – P. 22–26.

7. Lyarskij A.B. *Kalendar' i gimnazist: predstavleniya vzroslyh o povsednevnosti detej (Rossiya kon. XIX nach. XX vv.)* [The calendar and the gymnasium student: adults' ideas about the everyday life of children (Russia of the late XIX – early XX centuries)] // *Obshchestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana)* [Society. Wednesday. Development (Terra Humana)]. – 2007. – № 1. – P. 79–86. (In Russ.).

8. Lyarskij A.B. *SHkol'nye rukopisnye zhurnaly i gazety konca XIX – nachala XX veka kak faktor socializacii* [School handwritten magazines and newspapers of the late XIX – early XX century as a factor of socialization] // *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of Perm University. History]. – 2013. – № 2 (22). – P. 117–125. (In Russ.).

9. Galiullina D.M. *Tatarskij nacional'nyj bukvar' konca XIX – nachala XX vv. kak osobyj vid narrativa* [Tatar national Primer of the late XIX – early XX centuries: as a special kind of narrative] // *Nauchnyj Tatarstan. Gumanitarnye nauki* [Scientific Tatarstan. Humanities]. – 2012. – № 1. – P. 15–24. (In Russ.).

10. Pfanenshtil' (Fedorova) N.G. *«Lichnaya istoriya» v rossijskikh uchebnikah po istorii pervoj poloviny XIX veka: vremya «Kajdanovyh, Smaragdovyh, Ustryalovyh...»* [«Personal history» in Russian history textbooks of the first half of the XIX century: the time of the «Kaidanovs, Smaragdovs, Ustryalovs...»] // *Uchenye zapiski Kazanskogo filiala «Rossijskogo gosudarstvennogo universiteta pravosudiya»* [Scientific notes of the Kazan branch of the Russian State University of Justice]. – 2019. – Vol. 15. – P. 305–315. (In Russ.).

11. *Uchebniki detstva. Iz istorii shkol'noj knigi VII-XXI vekov* [Childhood textbooks. From the history of the school book of the VII-XXI centuries] // *Trudy seminarov «Kul'tura detstva: normy, cennosti, praktiki»*, vypusk 13. – Moscow: RGGU, 2013. – 407 p. (In Russ.).

12. *Dorogoj drug. Social'nye modeli i normy v uchebnoj literature 1900–2000 godov (istoriko-pedagogicheskoe issledovanie)* [Dear friend. Social models and norms in the educational literature of 1900–2000 (historical and pedagogical research)] // *Trudy seminarov «Kul'tura detstva: normy, cennosti, praktiki»*, vypusk 18. – Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2016. – 568 p. (In Russ.).

13. SHangina I.I. *Russkie deti i ih igry* [Russian children and their games]. – Saint Petersburg: Iskusstvo, 2000. – 296 p. (In Russ.).

14. Veremenko V.A. *«Kuhonnaya modernizaciya» i dvoryanskaya sem'ya v Rossii vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka* [«Kitchen modernization» and the noble family in

Russia in the second half of the XIX – early XX century] // *Gosudarstvo, kapitalizm i obshchestvo v Rossii vtoroj poloviny IX – nachala XX vv.* [The state, capitalism and society in Russia in the second half of the IX – early XX centuries]: Materialy Vserossijskogo (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnogo seminara / Otv. red. A.N. Egorov, A.E. Novikov, O.YU. Solodyankina. – Cherepovec: Cherepovets State University, 2017. – P. 180–185. (In Russ.).

15. *Borodina S. O prihotyah i vkusah: istoriya gastronomicheskoy kul'tury russkoj usad'by* [About whims and tastes: the history of the gastronomic culture of the Russian estate] // *Mir iskusstv: Vestnik Mezhdunarodnogo instituta antikvariata* [The World of Arts: Bulletin of the International Institute of Antiques]. – 2015. – № 2 (10). – P. 80–92. (In Russ.).

16. *Burluckaya (Bannikova) E.V. Bani kak komponent gorodskoj povsednevnosti Orenburga XIX veka* [Baths as a component of urban daily life in Orenburg of the XIX century] // *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyj nauchnyj zhurnal* [Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University. Electronic scientific journal]. – 2020. – № 4 (36). – P. 232–246. (In Russ.).

17. *Burluckaya (Bannikova) E.V. Privatnoe prostranstvo gorozhanki Orenburgskoj gubernii v poreformennuyu epohu* [Private space of a citizen of the Orenburg province in the post-reform era] // *Manuskript* [The manuscript]. – 2019. – № 11. – P. 17–25. (In Russ.).

18. *Stolpyanskii P.N. Gorod Orenburg: Materialy k istorii i topografii goroda* [The city of Orenburg: Materials for the history and topography of the city]. – Orenburg: Publishing house of the Orenburg Provincial Printing House, 1908. – 372 p. (in Russ.).

19. *Kyustin A. Nikolaevskaya Rossiya* [Russia of Nicholas]. Perevod s francuzskogo. – Moscow: Politizdat, 1990. – 352 p.

20. *Igry narodov SSSR* [Games of the peoples of the USSR]. *Sbornik materialov, sostavlennyj V.N. Vsevolodskim-Gengross, V.S. Kovalevoj i E.I. Stepanovoj.* – Moscow-Leningrad: Academia, 1933. – 564 p. (In Russ.).